

ЗАКИН Андрей Анатольевич — аспирант Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, В.О., Средний пр-кт, 57/43; Sptk2011@yandex.ru); советник председателя Законодательного собрания Санкт-Петербурга

ВОЛКОВ Виталий Александрович — профессор Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; vitv@rambler.ru)

ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА КАК ИНСТИТУТА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Аннотация. В статье рассматривается парламентаризм в свете критики его основных принципов дискуссии и публичности, соединения основ либерализма и демократии. Историческое возникновение парламента не обеспечивает ему достаточную легитимность. Соединение парламента с идеей народного представительства вызывает критику со стороны такого противника парламентаризма, как К. Шмитт, который говорит о неорганичности такого соединения. В статье авторы обосновывают односторонность такой критики и доказывают, что природа политической реальности предполагает политическую репрезентацию. Репрезентативная форма демократии связывает борющиеся политические единства в единое пространство парламентской коммуникации.

Ключевые слова: парламент, критика парламентаризма, либерализм, демократия, дискуссия, публичность, политическая репрезентация, политическая борьба

В современной политической структуре государств парламент является важнейшим институтом. Его существование базируется на определенных фундаментальных принципах и основах организации власти в обществе. В то же время единый взгляд на эти фундаментальные принципы парламентаризма политическая наука еще не выработала. В научной литературе известны как сторонники, так и противники парламентаризма. Парламент может рассматриваться как институт политической системы, уже утративший свою действительную необходимость. С другой стороны, парламентаризм представляется как идеал, еще требующий своего действительного воплощения. Несмотря на триумфальное шествие парламентаризма с начала XX в., критика идей парламентаризма в Европе имеет давнюю традицию. Так, своеобразный ренессанс идей К. Шмитта не только в Европе, но и в России, связанный с изданием его наследия, заставляет обратиться к основаниям феномена парламентаризма. Этим определяется безусловная актуальность постановки проблемы политико-философского осмысления парламентаризма.

Парламент — историческое явление, возникшее благодаря ряду изобретений в общественной жизни на протяжении нескольких веков. Первое изобретение относится к соединению в одном государственном органе идей и механизмов представительства и законодательства, существовавших в разных отношениях. Далее, Монтескье изобретает разделение властей в современном варианте, которое связывает парламент с одной из ветвей власти. «Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга» [Монтескье 1955: 289]. Федералист А. Гамильтон соединяет идею «общей воли» прямой демократии Ж-Ж. Руссо с парламентом как феодальным институтом сословного представительства. В зависимости от того, насколько органичен этот синтез, зависит роль парламента в политической системе. Вследствие этого институт представительной демократии со своего рождения несет в себе противоречие, требующее объяснения.

Английский парламент времен «Славной революции», американский конгресс, французский конвент внесли значительный вклад в образ современного парламента. Парламентская оппозиция королевской власти первых парламентов в Англии сыграла значительную роль в ограничении абсолютной монархии. С другой стороны, замечает Ф.Р. Анкерсмит, в западноевропейских государствах XIX в. формируется идеологическое противостояние между сторонниками углубления и развития результатов Французской революции и сторонниками Реставрации. Государство становится объектом идеологической борьбы. Представительная демократия европейского парламента становится ареной политических компромиссов. Парламент создается как элемент государственной машины, механизм, который реализует функцию разрешения разногласий на основе закона. Парламент несет двойственную функцию. Он создает эти законы. С другой стороны, парламент становится местом столкновения властных группировок для выяснения противоречий, не поддающихся механистическим решениям государственного закона. Тем самым можно говорить о двух типах парламентаризма, имеющих различный генезис: европейском многопартийном парламентаризме и англосаксонском двухпартийном парламентаризме [Анкерсмит 2012: 122].

Либеральная идеология отводит парламенту роль защитника общества от произвола. Дискуссия об общественном благе и ее публичность обеспечивают границу произволу. «Вступая в общество, человек уполномочивает общество или, что все равно, его законодательную власть создавать для него законы, каких будет требовать общественное благо, он должен способствовать исполнению этих законов (как своим собственным установлениям). И это переносит людей из естественного состояния в государство, поскольку на земле появляется судья, имеющий власть разрешать все споры и возмещать любой ущерб, который может быть нанесен любому члену государства; этим судьей является законодательная власть или назначенное ею должностное лицо» [Локк 1988: 312].

В то же время легитимность парламента остается под вопросом. Ограничивая власть монарха, он не может опираться на святость традиции. Власть монарха имеет сакральный характер, и легитимность ее соотнесена с божественным происхождением. Он является носителем и гарантом суверенитета. У парламента нет такой легитимности. Между тем реальная власть смещается в парламентские кулуары. За спиной парламентариев стоят те силы, которые они представляют. Именно в это время появляются представления о народе – третьем сословии – как источнике суверенитета. Легитимность королевской власти десакрализируется. Одновременно народ становится сакральной ценностью. Либерализм Локка утверждает необходимость парламента. Общественный договор с народом придает требуемую легитимность парламенту. Либеральная идея общественного договора свободных индивидуумов-собственников легитимирует парламентскую власть.

В XX в. парламент превращается в постоянно действующий национальный клуб, реагирующий на потребности общества в законодательном регулировании и контроле над исполнительной властью.

Обращение к творчеству политического мыслителя К. Шмитта позволяет приоткрыть противоречивую природу парламентаризма, проявившуюся в его генезисе. В своей работе «Духовно-историческое состояние современного парламентаризма» К. Шмитт выходит за рамки очевидного. Парламентаризм как духовное явление, безусловно, имеет исторический характер, и время может радикально преобразовать его содержание. Изначальное содержание парламентаризма обусловлено его этимологией и выражается в дискуссии и публичности. Несколько веков подряд дух дискуссии утверждал деятельность парла-

мента. Если современность, утверждает К. Шмитт, хочет отбросить эти принципы, то что может оправдать подлинность парламента? [Шмитт 2009]

В XX в. наступление демократии обнаруживает противоположность демократии и парламентаризма. Идеи массовой демократии, как показывает практика, не совпадают с идеями либерального парламентаризма. Парламентаризм сегодня работает как система правления, но это еще не объясняет его необходимости. «Все специфически парламентские установления и нормы обретают смысл лишь благодаря дискуссии и публичности. Это, в частности, относится к принципу, согласно которому депутат не зависит от своих избирателей и своей партии: официально, в соответствии с Конституцией этот принцип еще признают, но практически едва ли в него еще верят; то же самое относится и к предписаниям касательно свободы слова и депутатских иммунитетов, публичности парламентских слушаний и т.д.» [Шмитт 2009: 7].

Принцип публичной дискуссии объясняет все особенности парламентской деятельности. И если не верят в сам принцип, то что его может заменить? К. Шмитт — не единственный критик парламентаризма. Он один из многих критиков как справа, так и слева. «Посмотрите на любую парламентскую страну, от Америки до Швейцарии, от Франции до Англии, Норвегии и проч.: настоящую “государственную” работу делают за кулисами и выполняют департаменты, канцелярии, штабы. В парламентах только болтают со специальной целью надувать “простонародье”» [Ленин 1974: 46].

В качестве альтернативы парламентаризм способен вскрыть политический дилетантизм политических лидеров. Парламентаризм может стать механизмом отбора новых политических лидеров, хотя вряд ли можно надеяться на вызревание в парламенте политической элиты.

Политические проблемы становятся для политических партий предметом коррупции. Постоянно ведутся переговоры между партиями и группировками, но вряд ли их можно назвать дискуссиями. Дискуссия представляет собой обмен мнениями, в котором присутствует шанс рационального убеждения оппонента. Не борьба интересов и их компромисс, а борьба мнений в результате дают законы. Дискуссия предполагает особое понимание своего предмета. Должны быть общие убеждения, и парламентарии должны выступать как представители всего народа, а не как представители своих партий.

С точки зрения Шмитта, настоящие атрибуты дискуссии уходят в прошлое, а ее место занимает пропаганда и калькуляция интересов, посредством которой возможно достигнуть компромисса. На первое место выходит завоевание общественного мнения, которое отражает позицию большинства. И посредством этого большинства только и возможна доминирующая позиция. Парламент утрачивает свою глубинную необходимость и выступает в качестве практико-технического средства.

Парламент неразрывно связан либерализмом, с правлением посредством дискуссии. Демократия с парламентом аналогичным образом не связана. Демократия требует гомогенности и исключает или уничтожает встроенную гетерогенность. В демократии существует субстанция равенства. «Начиная с XIX в. она заключается прежде всего в принадлежности к определенной нации, национальной гомогенности. Но равенство представляет политический интерес и ценность лишь постольку, поскольку у него есть субстанция, а потому, по меньшей мере, не исключаются возможность и риск неравенства» [Шмитт 2009: 8]. Гомогенности субстанции демократии добиваются самыми разными средствами. Речь идет о законах, ограничивающих иммиграцию, о переселении или выселении чуждых диаспор. В Британской империи свобода слова, всеобщее избирательное право не касалось 300 млн жителей колоний, находящихся под протекторатом импе-

рии. Государственное право относит колонии к загранице, тогда как международное право — к империи [Шмитт 2009: 11]. Демократия осуществляется в рамках ограниченного гомогенного круга и предполагает понятие «чужака».

Равные политические права каждого взрослого человека как идея не принадлежит демократии. «В сфере политического люди противостоят один другому не абстрактно — как люди, но как политически заинтересованные и политически детерминированные, как граждане государства, правящие или управляемые, политические союзники или противники, то есть, во всяком случае, — в политических категориях» [Шмитт 2009: 12]. Человеческого равенства не существует в современном мире, и если внутри государства реализуется равенство, то тем резче такое государство подчеркивает свое отличие от других государств и наций. Демократия строится на идентичности определенного круга людей. К. Шмитт упоминает Руссо, у которого общественный договор основывается на принципе равенства всех людей, но в его государстве отрицаются всякие возможные различия граждан. У них не может быть партий, особенных интересов, религиозных различий, разногласий. Понятие общей воли нивелирует различия. Законы должны приниматься без дискуссий. Идеальное государство Руссо предполагает тождество управляющих и управляемых, последовательную демократию, основанную на общей воле.

Современный парламентаризм существует и соединен с массовой демократией, порождая противоречивое к себе отношение. Демократия, стремящаяся к идентичности управляющих и управляемых, сталкивается с парламентом, порождая кризис того и другого. В чем может лежать оправдание института, основывающегося на дискуссии свободных, независимых депутатов, обладающих неприкосновенностью? Кризис парламентаризма, кризис демократии, кризис государства неразрывно связаны между собой. Либеральная демократия соединяет в себе элементы, которые она вынуждена разделять и обособлять. Соединяясь с либерализмом, демократия обретает выхолощенную форму, чуждую своему существу: «народ может выразить свою волю лишь следующим образом: каждый отдельный гражданин отдает свой голос в глубочайшей тайне и совершенно изолированно, то есть не покидая сферы приватности и безответственности, “с применением защитных приспособлений” и “при отсутствии слежки за ним”, как предписывает немецкая имперская регуляция голосований [*deutsche Reichsstimmordnung*], а затем каждый отдельный голос регистрируется и высчитывается арифметическое большинство» [Шмитт 2009: 15].

Народ же как действительность существует в сфере публичности, он не складывается из отдельных голосов, и требуются механизмы непосредственной демократии для укрепления духа народа. Парламент базируется на духе либерального индивидуализма и может быть объяснен исходя из него, делает вывод Карл Шмитт. Таким образом, считает К. Шмитт, парламентаризм утрачивает свое духовное основание, изживает свою историческую необходимость и остается в государственной машине в виде технического инструмента.

Парламентаризм возникает в духовном противостоянии тайной политике абсолютных монархов. Сегодня работа по подготовке политических решений ведется в узких комитетах партий или групп давления. Публичность и дискуссия парламента ставятся под вопрос со стороны их содержания. Феномен внепарламентской оппозиции означает перенос дискуссии в политические акции вне стен парламента. Противоречия между демократией и парламентаризмом никуда не исчезают.

С другой стороны, необходимо признать позицию К. Шмитта достаточно односторонней и редуционистской в понимании демократии как сущностного стремления к гомогенности общества. Современная демократия в своей сущно-

сти предполагает момент репрезентации. Прямая демократия не потому невозможна, что невозможно общее собрание народа. Прямая демократия с неизбежностью примитивизирует и искажает понимание политической реальности, что ведет к упрощенным политическим решениям.

Какова природа политической реальности? Является ли она континуумом-пространством, обладающим онтологическими характеристиками? Или же она принципиально разорванна и требует непрерывных усилий по наведению коммуникаций? Законодательная деятельность есть не что иное, как создание коммуникаций в разорванном пространстве. В ее основе лежит рефлектирующая способность суждения, опосредующая особенные представления всеобщими. Политическая реальность создается через практику и ее репрезентацию. Вследствие этого предполагается не только разрыв реальности, но и разрыв между избирателями и их представителями. Избиратели обретают реальность их общих интересов через репрезентацию особенных интересов в парламенте. «Без репрезентации нет репрезентируемого – без политической репрезентации нация лишена подлинного политического бытия» [Анкерсмит 2012: 142]. Исходя из этого, политическая борьба является необходимым атрибутом парламентаризма, и она не уничтожает политическую дискуссию в парламенте, поскольку как невозможно отменить разрывы в политической реальности коммуникацией, так и невозможно отменить коммуникацию наличием разрывов в политической реальности. Политические интеракции связывают раздельное, но не отменяют его.

Таким образом, можно утверждать, что критика парламентаризма вскрывает различные политико-философские позиции в трактовке природы самой политической реальности.

Список литературы

- Анкерсмит Ф.Р. 2012. *Политическая репрезентация*. М.: ИД ВШЭ. 288 с.
- Ленин В.И. 1974. Государство и революция. – *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы. Т. 33. С. 1-120.
- Локк Дж. 1988. Два трактата о правлении. – *Сочинения*. В 3 т. М.: Мысль. Т. 3. С. 137-405.
- Монтескье Ш. 1955. *Избранные произведения*. М.: Политиздат. 799 с.
- Шмитт К. 2009. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. – *Социологическое обозрение*. Т. 8. № 2. С. 6-16.

ZAIKIN Andrei Anatol'evich, postgraduate student at North-Western Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (57/43 Sredniy Ave, V.O., St. Petersburg, Russia, 199178; Sptk2011@yandex.ru), Adviser to the Chairman of the Legislative Assembly of St. Petersburg

VOLKOV Vitaliy Aleksandrovich, Professor of Saint-Petersburg State University (7-9 Universitetskaya Emb, St. Petersburg, 199034, Russia; vitv@rambler.ru)

POLITICAL AND PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF PARLIAMENTARISM AS AN INSTITUTION OF REPRESENTATIVE DEMOCRACY

Abstract. The article considers parliamentarism in the light of criticism of its basic principles of discussion and publicity, in combining the foundations of liberalism and democracy. The historical emergence of the parliament does not provide it with sufficient legitimacy. The linkage of parliament with the idea of popular representation causes criticism from such an opponent

of parliamentarism as K. Schmitt, who signs the inorganic nature of such a union. The article justifies the unilateralism of the criticism and proves that the nature of political reality presupposes political representation. A representative form of democracy links struggling political entities into a single space of parliamentary communication.

Keywords: *parliament, criticism of parliamentarism, liberalism, democracy, discussion, publicity, political representation, political struggle*

УДК 24-67

АБАЕВА Любовь Лубсановна — доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; luba-abaeva@mail.ru)

СИМВОЛЫ БУДДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ И СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В МОНГОЛЬСКОМ МИРЕ

Аннотация. Символы религиозной культуры как символы веры формируются, эволюционируют и видоизменяются в процессе историко-культурных трансформаций и социально-политических модернизаций. Анализируя многие аспекты этнической специфики монгольских народов и их этноконфессиональную и этнокультурную среду, автор приходит к выводу, что монгольская метаэтническая общность (Хамаг Монгол) достаточно органично восприняла буддийскую теорию и практику. Феномен социально-политической адаптации буддизма всей монголосферой во многом изменил их ментальные параметры и характеристики, о чем свидетельствует современная наука.

Ключевые слова: этническая культура, монгольские народы, буддийская теория и практика, символы, историко-культурная эволюция этносов, социально-политические процессы, этнокультурная специфика

Интерпретация и анализ символов любых социальных, политических и экономических сообществ как своего рода отличительных знаков представляются нам достаточно актуальными и своевременными. Символы религиозной культуры как символы веры формируются, эволюционируют и видоизменяются в процессе историко-культурных трансформаций и социально-политических модернизаций. Однако здесь необходимо уточнить, что государственные символы как отличительные знаки суверенности и независимости государства, установленные и утвержденные законодательными актами (флаг, герб, гимн, печать и т.д.), главным образом ориентированы на символические аспекты социальных взаимодействий, причем исторически обусловленных и тесно взаимосвязанных с этнокультурной эволюцией исторического развития конкретного социума. В какой-то мере символы в политической культуре социума выполняют и коммуникативные функции, интегрируя внутри своей системы национально-государственные, ритуально-процессуальные и наглядно-агитационные аспекты. Религиозные же символы представляют собой определенную системную конструкцию, состоящую из множества совокупных теорий и элементов, которые исторически находятся во взаимных и достаточно устойчивых связях и отношениях друг с другом. Генезис этих символов может иметь материальные/идеальные, естественные/искусственные, природно-биологические/социальные, динамические/статические, открытые/сакральные, адаптивные/самоорганизующиеся и эволюционные аспекты.